

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Все персонажи и события романа вымышленные. Совпадения с реальными людьми и фактами случайны.

АРСЕНИЙ

Мой мир был сложным, тесным и безразмерным, с неудобными, острыми краями. Он был глубоким, ярким, всегда неожиданным. В нем больше шла сразу за опасностью. За недолгим забытием следовало ослепительное откровение, за ним — короткая, как выстрел, страсть. В моем мире всегда были риск смерти и вера в победную жизнь. Другая жизнь мне была не нужна. Обыденность, скука, зависимость и неподвижность просто не существовали.

В моем мире был крошечный островок семьи, квартиры, причудливого сплетения разных, очень мало похожих и плохо совместимых характеров. Расставания, встречи, запах кофе над звоном чашек и аккордами раздраженных или возбужденных голосов. Условные, очень относительные друзья за большим столом по праздникам. Слова, что произносятся не всерьез и им никто не собирается ве-

ритель. Настоящая дружба настигала меня в других местах и в час серьезных испытаний.

Домашний островок я рассматривал сверху, с высоты своих ста девяти сантиметров. Смотрел, как расплзается в ширину жена Зинаида, которую встретил стройной как тростинка. Как тянется вверх забавное и пахнущее родным теплом существо с круглыми черными глазами — дочь Катя: сначала становится гадким утенком с неправильным прикусом и неудобными, какими-то чужими руками и ногами, а затем из уродства, как из пены, выходит осторожная и нежная прелесть, окруженная колючками недоверия и подозрений.

На каком месте небес накопилось столько ярости против меня, что однажды я оказался погребенным под руинами собственных достижений, стремлений и желаний? Застывшим под тяжелыми и горькими на вкус булыжниками, сброшенными на меня теми, кто пожалел мне более легкой участи и спасительной пули.

Мой мир перевернулся. Я смотрю на него снизу. Вверху — постылый и окончательный, как могильная плита, потолок моей квартиры. Там широкое, чаще всего злое лицо жены Зинаиды и отстраненное личико дочери Кати. Оно все еще нежное, но не для меня. Мы оба отводим глаза, чтобы не

встречаться взглядами. Я боюсь увидеть в глазах дочери брезгливость, она, быть может, — мольбу об участии, которой во мне нет. Я калека. Безногий инвалид, прикованный к креслу. Я шагнул в свой подвиг и был награжден за смелость не смертью, а унижением ампутации, оставившей на поверхности земли только часть человека, которым был я.

Мои бывшие коллеги, верные соратники так и не разобрались в том, что произошло. Группа захвата под моим руководством выехала на место по якобы совершенно точной и проверенной информации. Давно разыскиваемый поставщик оружия ОПГ разных стран был выслежен вместе с очередным смертоносным грузом и окопался в заброшенном, как было сказано в ориентировке, доме на границе Московской области, практически в лесу.

Мы приехали туда поздно вечером. В доме тускло горели два окна. Я дал команду распределиться по периметру и приготовиться к захвату. За грязной занавеской одного окна мелькнула тень мужчины. В руках он держал то ли винтовку, то ли охотничье ружье. Я выжидал, чтобы понять, кто еще есть в доме, сколько там может быть человек, с каким оружием. И вдруг произошло что-то непонятное, почти невероятное. В доме раздался хлопок, как от бытового газа. И пожар мгновенно охватил все —

тонкие деревянные стены, тряпье на окнах... Пламя пробивалось сквозь дырявую крышу. Я вызвал пожарников, включая вертолеты, дал знак бойцам отойти на безопасное расстояние и быть готовыми брать тех, кто побежит из огня прямо в наши руки. Никогда не забуду тот момент, когда из центра пожара раздался пронзительный, отчаянный детский крик.

Вертолет уже кружился над нами, но стены рушились. Речь шла о секундах. Я набил носовой платок снегом, зажал его в зубах, выбил окно и прыгнул в комнату. Чуть не наступил на тело женщины, которая скорчилась на полу. Она была жива. Я нащупал пульс, схватил ее, как мешок с мукой, и выбросил из окна как можно дальше. Сам пошел в дым и огне на то место, откуда, мне казалось, донесся детский крик. И наткнулся на крошечный скулящий комочек. Рассмотрел под ногами: на ребенке горели все его тряпочки. Срывал их голыми руками, потом завернул обнаженное тельце в свою куртку, успел передать в окно уже подехавшим пожарным. Сам на мгновение оглянулся: вдруг успею увидеть еще кого-то, пока не рванул тот самый склад оружия, о котором нам сообщили. И тут прямо передо мной возник человек в чем-то черном, явно защитном. В руках у него был ствол.

И стрелял он профессионально и прицельно по моим коленям.... Невероятная боль.... Дальше долгая темнота.

Когда товарищи навестили то, что от меня осталось после ампутации, они как будто со стыдом отводили глаза. Та самая проверенная, с высшего уровня информация оказалась ложной. Никакого оружия в сгоревшем доме не нашли. Только тело нелегального мигранта, который никак не мог быть стрелком: его убили до пожара выстрелом в грудь. Рядом лежало охотничье ружье, из которого он, видимо, и собирался защищать себя и свою семью. Жenu и ребенка, которых я спас. Женщина не могла дать внятных показаний, рыдала, кричала, она поняла лишь то, что на них кто-то напал и поджег дом.

А стрелка они упустили! Не обнаружили никаких его следов. Ни моя группа захвата, ни подкрепление. Ни те службы, которые должны были отследить его побег из дома по всем дорогам и тропинкам. Так у них все и повисло. Мне сунули в зубы какую-то сумму за инвалидность, полученную при исполнении. Поблагодарили и попрощались.

Может, у меня паранойя или мания величия, но я анализирую все непрестанно, во сне и наяву, и получается у меня только одно: то была опера-

ция по выведению меня из строя навеки. Убийство бы расследовали, а ошибку информаторов, мой собственный и сугубо добровольный подвиг по спасению — это отличный и сказочно подлый план. Враги? Да, у меня их было предостаточно. Но для такого плана требуется одна существенная деталь: сообщник врага среди соратников. Можно сказать, у меня еще есть мотив для существования. Я должен это узнать.

ЗИНАИДА

Когда подружки начинают при мне свиристеть про любовь, я сразу говорю:

— Я вас умоляю. Вы о чем? Свидания? Подарки? Классный секс? Свадьба — зашибись? Мужик — кормилец и вообще, как за каменной стеной? Да я видела ваших шибздигов. С моим никто рядом не встанет. Красавец, под два метра, герой-полковник. Бабы штабелями даже на улице падали, а он выбрал меня. И не жадный, хоть и не добытчик, конечно. Для дочери ничего не жалел. Для меня — по-всякому. Дело в том, что бабы штабелями падали и после нашей свадьбы. А я не следователь-командир, как он. Я не могу вычислить, он на самом деле в засаде или в чьей-то постели.

Но и это не беда. Допустим, это еще любовь. А вот когда тебе надо за ним горшки выносить после ампутации? С ложечки кормить? А потом он возвращается в квартиру, сидит в своем инвалидном кресле и следит только за тобой за неимением других объектов. Это как? Любовь? И когда вы, наконец, круглые сутки нос к носу и понимаете, что ни в чем ни на миллиметр не сходитесь — ни во вкусах, ни во взглядах, ни в интересах и желаниях. И при этом он, можно сказать обрубок, остался каким-то невероятным образом красавцем и сохранил мужскую силу. А я иногда на стенку лезу от желания или похоти, уже сама не знаю. И все получается в постели. Только я ему противна. Вы это понимаете? Я на двух ногах, еще в теле, слежу за собой, не замухрышка какая-то. Но ему на меня тошно смотреть! Это любовь? Это каторга, скажу я вам. Такая, которая никому и не снилась.

Я вообще честный человек и все говорю прямо. Не такая образованная, как Сеня. Он вроде вундеркинд с детства был. До того, как в следаки подался, где только не учился — и на юридическом в университете, и на психологическом. Потом решил, что путь ему только в герои. Ловил бандитов, ходил весь такой непобедимый, — и вот вылез без ног. Подвиг он совершил — каких-то нелегалов из

огня кинулся тащить. Больше же некому. Там народу была уйма, и никому такое в голову не пришло. Правда, говорят, там на него засада была, стрелок ему ноги прострелил. А если бы не полез, то и не прострелил бы. Мы на эту тему несколько раз начинали говорить, но тут всегда одно и то же. Настоящая ненависть между нами возникает. Кого еще ненавидеть Арсению, кроме меня? Бандитов в квартире нет.

Я теперь единственный в доме работник, заведу небольшим салоном-парикмахерской. Арсений, конечно, у меня не иждивенец. Он ведет дела по интернету, консультирует, даже в каких-то расследованиях помогает, если просят. Зарабатывает нормально. Но я-то целый день в заботах, потом по магазинам, прихожу домой — там другой рабочий день: уборка, стирка. Катя, дочка, учится в театральном. И она тот еще фрукт на ветке. Меня, кажется, презирает как примитивный элемент. Отцу, мне сдается, не может простить его увечье. Потому, наверное, и выбрала театр и кино, что там можно увидеть и изобразить то, чего в нормальной жизни сроду не бывает.

Считаю, что только я в семье имею право на полный контроль за деньгами и всем хозяйством. Нашу трешку, в которой мы живем, Арсений сразу

после больницы переписал на меня, чтобы удобнее было. Но у него есть еще одна квартира, она была у него до нашей свадьбы, мы там даже немного жили, пока он эту не купил. Так вот он не только не отписал ее мне, но даже ключи не дает. Сама не знаю, почему мне так хочется ее продать. И сразу деньги потратить: машины новые купить себе и Кате, куда-то съездить с шиком отдохнуть по очереди или вдвоем: Арсений сам справится, если продуктами все забить.

Нет. Вру. Я знаю почему. Если у Арсения кто-то был, — а у него точно кто-то был, — то он водил ее в эту квартиру. И мысль у меня почти сумасшедшая: он продолжает прятать от меня даже ключи, потому что мечтает туда свалить. Может, и не один. Может, и ждет его кто-то: маньячек полно на этом свете.

Ладно. Катя дверь открывает, надо ужин ей подавать. У нее сегодня день морепродуктов — для фигуры и чего-то еще. Вчера был день капусты — для груди. И так по расписанию, которое она повесила на стенке в кухне. Дети — они ведь геморройные от сосок-пеленок до мужа-козла, который, даст бог, польстится на ее капусту и увезет в свою квартиру. Того, который у нее есть, я к ночи даже поминать не стану. Каждый день молюсь, чтобы он

ее бросил. Я бы хотела, чтобы Катя уехала в другую страну. С расстояния и начинаются нормальные отношения детей и родителей, я считаю. Будет ездить в гости и возить подарки. А я — к ней. Она вообще добрая девка, только очень замороченная. Иногда мне так хочется вцепиться в нее всеми пальцами, ногтями содрать всю эту наносную шелуху. И достать, выцарапать из нее свое родное дитя, которое даже в школе пахло моим молоком. И сейчас иногда, как разлепит утром сонные глаза, махнет ресницами — я такие в салоне наклеиваю клиенткам, а у Катюшки свои, как у отца, — так просто схватила бы ее на ручки, чтобы она шепнула «мама». Но не дай бог до нее дотронуться, она сразу фыркнет и скажет: «Ма, отстань, я же не умылась, зубы не почистила. И вообще я проспала». Может, я и ей противна. Как и всем в этом доме — на три разных чертовых мира.

ЕКАТЕРИНА

Я стараюсь приходить домой как можно позже. В детстве я бежала на запахи и звуки родного дома. Мне так был нужен радостный, всегда немного взвинченный голос мамы. Я млела и балдела, когда папа поднимал меня чуть ли не под по-

толок на вытянутых руках над своей головой. От мамы не требовалось быть умной. От папы я не ждала телячьих нежностей. Я получала от родителей столько, сколько мне было нужно. Мамина забота, ее, как она говорила, «вкусняшки» и «обнимашки». Мне кажется, это стало основой моей уверенности в себе. Я достойна любви и внимания. Я приятна в физическом контакте. «Ты пахнешь, как мамин цветочек», — говорила она. Вроде полная ерунда: какой такой мамин цветочек, — а так грело. Папа был истиной в высшей инстанции. Он мало бывал дома, очень редко говорил что-то, кроме самых простых вещей. Но с тем большим интересом и вниманием я ловила каждую его мысль, серьезную взрослую информацию. Это не было рассчитано ни на то, чтобы вызвать у собеседника удовольствие, ни на обсуждение, ни на воспитание. Это просто было так. Иногда очень тяжелые и глубокие вещи, которые я прятала в своем сознании, чтобы когда-то понять их самой. Интеллектуальный контакт с папой — а он был именно таким с детства — стал для меня стимулом думать, понимать, искать, не верить в навязанные догмы и к любым выводам приходиться самостоятельно.

Валера как-то сказал, что я самонадеянна и часто невыносима. И смягчил: «Но это компен-